

коих стояла низенькая убогая церковь и близ нее не более 50 хижин с травяными крышами (там нет соломы), без дворов, без ворот и пристроек, без улиц, постройки в беспорядочном виде разбросаны по берегу гавани, составляя городское население; казенные здания более нежели в скромном виде выказывались. Нас проводили в дом, назначенный для начальника области, там мы нашли 4 небольшие комнаты; стол и стулья составляли весьма скудную обстановку назначенного для нас жилища. В оконных рамах небольшого размера не было стекол. А вместо них была вставлена слюда, кусочками сшитая. Дом этот стоял на косогоре, близ морского берега. Привезенные в Санкт-Петербург значительной величины китовые усы находятся в Стрельне у дворца Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича. Усы эти представлены мною Его Высочеству во исполнение завещания покойного мужа после его смерти. Они и теперь стоят в саду близ Дворца у гимнастики для детей» (14, л. 41–48).

Семья Рикорд принимала активное участие в жизни семьи Анжу. Так, «восприемниками при крещении сына Петра Анжу – Иоанна в 1848 г. были: адмирал П. И. Рикорд и Директора Лесного Департамента контр-адмирала Фердинанда Петровича барона Врангель жена Елисавета Васильевна». В метрической книге г. Кронштадта Морской Богоявленской церкви значится: «1832 г. июля 28 числа 16-го флотского экипажа у капитана 2 ранга П. Ф. Анжу и законной жены его Ксении Ивановны родился сын Петр. При крещении восприемниками были: флота вице-адмирал П. И. Рикорд и 17-го флотского экипажа капитана 1 ранга Луки Федорова Богдановича жена Любовь Ниловна. В метрической книге Ревельской портовой Симеоновской церкви значится: 15.09.1841 у 4-го флотского экипажа капитана 1 ранга П. Ф. Анжу и законной жены его Ксении Ивановны родилась дочь Елисавета. Восприемниками были: ЕИВ Государь Император Николай Павлович и Адмиралтейского Совета вице-адмирала П. И. Рикорда жена Людмила Ивановна. При крещении дочери П. Анжу – Екатерины восприемниками были: ЕИВ Государь Император Николай Павлович, вместо Его 1-го Штурманского Полуэкипажа Командир генерал-майор Алексей Козмин Давыдов и Адмиралтейского Совета вице-адмирала П. И. Рикорда жена Людмила Ивановна» (2, л. 34–37).

«4.02.1858 по указу ЕИВ Правительственный Сенат слушал дело о дворянстве Анжу, представленного Определением Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания от 9.01.1858 г. П. Ф. Анжу с семейством признан в дворянском достоинстве и внесен в 3 часть Дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии. Из дела видно, что доказательства дворянского рода Анжу были рассмотрены еще Временным Присутствием Герольдии и по резолюции от 10 мая 1848 г. надворный советник Федор Анжу с сыном Петром и детьми его последнего Петром, Федором, Иваном, Людмилою, Александрю, Елисаветою и Екатериною причислены к дворянскому сословию с внесением в 3 часть Дворянской родословной книги Тверской губернии» (там же, л. 59).

«6 июня 1816 г. боевому штаб-лекару при Александровской Мануфактуре, коллежскому асессору Александру Андрееву сыну Анжу было дано свидетельство, что ему 44 года, из купеческих детей вольноопределяющийся в вечно российском подданстве. В службу вступил в Московскую генеральную госпиталь волонтером 27.01.1785 г.; лекарем 13.06.1789 г. с определением в Екатеринбургский Егерский 3-й батальон, из оного по прошению отставлен от службы – 26.02.1792 г. Пожарован в штаб-лекари 13.09.1799 г. и определен в Артиллерийский инфантерный военный госпиталь, из оного определен в инвалидные роты 6.03.1806 г.; пожалован коллежским асессором 31.12.1809 г. В походах был: 24.11.1789 г. при взятии Бендер, 13.12.1790 г. при взятии Измаила, 28.06.1791 г. за Дунаем при взятии г. Хотина. Женат на девице Варваре Карловне Нейман, дети: Петр-Александр (8.06.1814), Елисавета (1801), Мария-Александрика (21.12.1808–); по-русски, по-немецки, по-французски, по-латыни читать и писать умеет; все лютеранского вероисповедания» (5, л. 2–3).

«Временное Присутствие Герольдии указом от 18.07.1844 г. дало знать Ярославскому дворянскому депутатскому собранию о не утверждении прапорщика Павла Анжу в дворянстве, по неимению доказательств о службе и удостоверения о принятии им присяги на вечное подданство России, хотя и рассматривали рапорт Ярославского дворянского депутатского собрания от 7.01.1837 г. и документы о роде Анжу, в которых было определено: прапорщика Павла Петрова Анжу Ярославским дворянским депутатским собранием по определению от 17.12.1792 г. признать в дворянстве и внести в 3 часть Дворянской родословной книги» (6, л. 1–5).

Дворянские роды Анжу и Головинных связаны родственными узами с родами фон Саломон и фон Швенцон. Дочь вице-адмирала В. М. Головина (1776–1831) – Поликсения Васильевна (1824 – 20 марта 1909) была замужем за сенатором Петром Ивановичем Саломон (1819–1905).

В завещании дочери фабриканта Софьи Андреевны Саломон указывается: «...прошу племянника моего, Петра Ивановича Саломон, принять на себя 8 тысяч рублей. Отказываю: 7 тысяч се-

ребром внуку моему Петру Швенцону, внукам моим Александру и Сергею Саломон по 300 рублей, внучке Надежде – 400 рублей, племяннику Василию Васильевичу Саломон – 200 рублей» (15).

Адмирал П. Ф. Анжу скончался в Петербурге 12 октября 1869 г. Прославленного путешественника и моряка похоронили на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга. Там же похоронены и его родственники – его брат А. Ф. Анжу (1793–1833), дочь Екатерина Петровна (1770–1843) и сын адмирала, Петр Петрович Анжу (1832–1876), известный гидрограф, капитан I ранга, который совершил переход из Кронштадта к берегам Японии и Кореи на фрегате «Паллада». Крупнейшие ученые, и среди них Гумбольдт, видели в «знаменитых работах капитанов Врангеля и Анжу» выдающиеся достижения в изучении земного магнетизма, климата, полярных сияний, льдов, вод, растительного и животного мира. Именем Анжу названа одна из групп Новосибирских островов, а также мыс в море Лаптевых.

1. РГА ВМФ. Ф. 132. Оп. 1. № 1897. Дела МВ 1819–1821. Дела Охотского порта, экспедиция Анжу и Врангеля.
2. РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. № 2006. Дело о дворянстве Анжу по Тверской губернии, 1858.
3. Адмирал Петр Федорович Анжу. СПб., 1869.
4. Русская Старина. Т. XXIV. Воспоминания Л. И. Рикорд.
5. РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. № 2007. Дело о дворянстве Анжу. 1825.
6. Там же. № 2008. Дело о дворянстве рода Анжу. 1846.
7. ГАРО. Ф. 1367. Арх. № 55. Св. 3. Духовное завещание, данное Софьей Андреевной Саломон своим внукам.
8. РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 745. Дело о дворянском роде фон Швенцон, 1875.
9. Там же. № 744. Дело о дворянстве рода фон Швенцон, 1868.
10. ГАРО. Ф. 1367. № 50. Дело о дворянском роде Саломон.
11. Там же. Арх. № 33. Св. 1. Дело о взятии в опеку имений наследников Саломон, оставшихся после смерти родителей.
12. РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 755. О дворянстве Саломона, 1833.

Н. В. Дивнина АМЕРИКАНСКИЙ ШПИОН И КАВАЛЕР ОРДЕНА БЕЛОГО СЛОНА (ТОМАС УОЛЛЕС НОКС НА КАМЧАТКЕ)

25 июля 1866 г. в Петропавловскую гавань вошел американский винтовой пароход «George S. Wright». С палубы стоящего на якорю российского корвета «Варяг», ожидавшего гостей, грянул американский гимн – «Hail Columbia». Шум выпускавшей пар машины заглушил звуки оркестра...

На берег сошел журналист Томас Уоллес Нокс, еще молодой, но уже достаточно известный корреспондент нескольких ведущих нью-йоркских изданий.

Уроженец г. Пембрук в шт. Нью-Гемпшир (род. 26 июня 1835 г.) несколько лет поработал школьным учителем, вихрем золотой лихорадки 1860 г. оказался заброшен в Колорадо. Разбогатеть там ему не удалось, но зато он нашел свое призвание – журналистику – начал писать для газеты «Denver Daily News», а позднее стал и ее редактором.

Когда началась Гражданская война, Нокс записался добровольцем в Национальную гвардию Калифорнии. Прошел через две военных кампании и был тяжело ранен в перестрелке при Олбани (Миссури) 26 октября 1864 г., после излечения демобилизован из армии в звании полковника-лейтенанта в отставке.

Нокс становится военным корреспондентом газеты «The New York Herald». В лучших американских традициях он стал одним из действующих лиц скандала, связанного с военной кампанией северян. Раскритиковав действия генерала Шермана, наш герой в свою очередь был обвинен в шпионаже в пользу южан, разглашении военной тайны и неподчинении приказам. Он предстал перед военным трибуналом, где на сторону Шермана встал и генерал Улисс Грант.

По обвинению в шпионаже Нокс был оправдан, но обвинение в неподчинении приказам с него снято не было. Даже несмотря на личное вмешательство президента Линкольна, Грант не изменил своего негативного мнения о Ноксе. Незлобивый же Нокс спустя много лет написал прекрасную биографию генерала Гранта в изложении для детей (1895 г.).

По окончании войны Нокс издаст свою первую книгу, ставшую довольно популярной: «Бивачные огни и хлопковое поле» («Camp-Fire and Cotton-Field: Southern Adventure in Time of War, Life with the Union Armies, and Residence on a Louisiana Plantation», 1865)

В Россию Томас Нокс отправился как корреспондент газеты «The New York Herald», присоединившись к одному из отрядов экспедиции Российско-американской телеграфной компании (также известной как «Western Union Telegraph Expedition» и «Collins Overland Telegraph»), которая планировала проложить в 1865–1867 гг. электрическую телеграфную линию от Сан-Франциско до Москвы, соединив таким образом Америку с Европой.

Путь прокладки телеграфа должен был пройти от Калифорнии через Орегон, Вашингтонскую Территорию Британской Колумбии, Аляску, затем кабель планировалось проложить под Беринговым проливом – а потом через Сибирь в Москву.

Для содействия работе Компании российским правительством был послан военный винтовой корвет «Варяг».

В 1867 г. проект был закрыт как экономически невыгодный.

Прибытие нескольких отрядов экспедиции вызвало необычайное оживление в Петропавловске. У всех участников экспедиции, российских и иностранных, оставивших воспоминания о своем пребывании в камчатской столице в 1865–1866 гг., эти воспоминания самые приятные: у мичмана корвета «Варяг» Густава Армфельта, у американцев Джорджа Кеннана и Ричарда Буша, у англичанина Фредерика Уимпера (последний был даже несколько напуган таким невероятным гостеприимством).

Забегая вперед, скажу, что и Томас Нокс был в восторге от камчатского гостеприимства.

Отряд полковника Чарльза Бакли, к которому относился Нокс, направлялся на Амур через Сан-Франциско, Петропавловск, Гижигу и Охотск.

С берегов Амура наш герой попал в Китай, потом были Монголия, Сибирь, Урал, Москва... Российская часть путешествия закончилась в Петербурге. Столько интересного описано и увидено!

Маршрут Нокса по России, Китаю и Монголии протянулся на 11 тыс. миль. Результатом стала книга «Пересекая Азию. Картины из сибирской, китайской и татарской жизни. Путешествия и приключения на Камчатке, в Сибири, Китае, Монголии, Китайской Тартарии и европейской России, с полным описанием сибирских ссыльных и условий их жизни, описанием реки Амур и сибирского побережья Северного Ледовитого океана» («Overland Through Asia: Pictures of Siberian, Chinese, and Tatar Life. Travels and Adventures in Kamchatka, Siberia, China, Mongolia, Chinese Tartary, and European Russia, with Full Accounts of the Siberian Exiles, Their Treatment, Condition, and Mode of Life; a Description of the Amoor River, and the Siberian Shores of the Frozen Ocean», 1870)

Отдельные главы и заметки публиковались в американских изданиях (Harper's, Putnam's, The Atlantic, The Galaxy, and the Overland Monthlies, Frank Leslie's Illustrated Newspaper).

Нокс неплохо рисовал сам – его рисунки представлены в книге, для оформления он также использовал и прекрасные работы художника экспедиции Фредерика Уимпера и гравюры с фотографий одного из первых иркутских фотографов Августа Гофмана. Других ссылок на источник иллюстраций он не дает.

Глазами Нокса наш город прекрасным июльским днем выглядел так: «Вообразите бревенчатый городишко где-нибудь в глуши Мичигана или Миннесоты и перенесите его в тихое местечко на берегу крохотной уединенной морской гавани. Крыши одних домов можете покрыть железом, дранкой или досками, привезенными издалека; крыши других можно покрыть травой.

Три четверти домиков расположите в относительном порядке вдоль единственной улицы, а остальные рассыпьте как попало у воды и по склону сопки. Не мешайте этим домикам заваливаться так, как им заблагорассудится, под любым углом и на любой бок...

Двери сделайте очень низкими, а вход – очень узким. Обставьте дома простой деревянной мебелью... В главной комнате каждого дома повесьте иконы, при желании украсьте стены несколькими гравюрами. Возле каждого дома разбейте садик и позвольте огородам и прочим посадкам цепляться за склоны сопки, стараясь взобраться как можно выше.

Не забудьте выстроить церковь – без нее не бывает русского городка! И вот перед вами вполне достоверный макет Петропавловского порта.

Кстати, вы не встретите здесь никакого транспорта, кроме одинокой ручной тележки. И поэтому единственная улица городка не обезображена ни следами от колес, ни рытвинами» (1, 43–44).

«Я сошел на берег с мистером Хантером – американцем, живущим в Петропавловске. В каждом доме, который мы с ним посещали, хозяйева, соблюдая законы местного гостеприимства, при нуждах меня „принять пятнадцать капель“ (petnatset copla (fifteen drops)). Здесь это общепринятое

обозначение для порции горячительных напитков любого вида – американского виски, французского коньяка, голландского джина или русской водки... Как известно, настоящий джентльмен – это человек, который деликатно отвернется в тот момент, когда другой джентльмен наливает виски в свой стакан. Камчатский этикет также не позволяет хозяину подсчитывать точное количество тех „капель“, которые наливает себе гость» (1, с. 43).

Прибыв в Петропавловский порт, наш герой попал в прямом смысле слова с корабля на бал: «Нас пригласили „поприсутствовать“ на свадьбе, которая состоялась вечером сразу после нашего приезда. Это была двойная свадьба, поскольку замуж выходили две сестры. Распорядителем свадьбы стал мистер Филиппеус, русский джентльмен, который занимается здесь меховой торговлей.

Венчание было назначено на пять часов пополудни...

Как только участники церемонии вышли из дому и направились в церковь, Филиппеус стал главным действующим лицом. Одну невесту он взял за правую, а другую за левую руку; прекрасные камчадалки, в свою очередь, взяли под руки своих будущих мужей. Женщины были в белых платьях, а мужчины в праздничной одежде.

Позади этой шеренги (явно занявшей всю неширокую петропавловскую улицу. – *Н. Д.*) выстроилась в ряд добрая дюжина друзей женихов и подружек невест. За ними следовали члены семей и приглашенные на свадьбу родственники. Замыкал эту колонну внушительный отряд из детей брачующихся семейств. Таким образом, свадебный кортеж растянулся по улице на изрядное расстояние.

Друзья женихов завязали на левой руке банты из разноцветных лент и вдели в петлицы маленькие банты-розетки» (Там же, с. 44–46).

Свадебная процессия направилась в городской собор святых апостолов Петра и Павла. Его изображение у Нокса замечательно. Никто так подробно не изобразил собор! Вполне вероятно, что рисунок сделан не самим Ноксом, а профессиональным художником Уимпером или, что тоже вероятно, Ричардом Бушем, еще одним участником телеграфной экспедиции.

«Церковь сложена из бревен, как и остальные здания городка. Старая, неокрашенная, своей формой она напоминает крест, лишенный одной из коротких перекладин. Крыша церкви буквально на днях была выкрашена в ослепительно-красный цвет попечением офицеров корвета „Варяг“» (там же, с. 46).

Долгая служба в душевной церкви утомила Нокса, а еще сильнее утомила полковника Бакли, который стоял у алтаря в наглухо застегнутом до самого подбородка кителе, сопровождая одну из дам.

Кстати, иллюстрация «Русская свадьба» в книге Нокса производит впечатление очень условной и недостоверной.

Зато свадебный ужин порадовал всех своим обилием и разнообразием угощений. Музыканты оркестра корвета «Варяг» играли весь вечер.

«У русских есть обычай подавать закуски перед началом парадного обеда. Они были поданы на приставном столике в гостиной и состояли из ликера, горького пива с легкими закусками: маленькими кусочками селедки, икры, копченого мяса или рыбы... Потом последовал и сам обед. Рыба была на первое, а суп на второе, потом – жареное мясо и овощи. Затем – отбивные телячьи котлеты. Завершили обед свадебный пирог и желе. Праздник был щедро омыт разнообразными напитками, из тех, что веселят и согревают сердца» (там же, с. 49).

В городе Нокс пробыл 2 недели, и, конечно же, перепознакомился со всеми достойными вниманием горожанами.

«В 1866 г. камчатская меховая торговля находилась в руках трех коммерсантов: „W. H. Boardman, of Boston, J. W. Fluger, of Hamburg, and Alexander Phillipeus, of St. Petersburg“. У каждого были в Петропавловске свои торговые дома, и от одного до дюжины агентств или торговых отделений в каждом камчатском местечке. Насколько я понял, львиную долю прибыли в этом бизнесе имеет мистер Бордман. Его отец начал свой бизнес на американском Северо-западе еще в конце прошлого века, и в 1828 г. оставил своему сыну неплохое наследство. Бордман-младший продолжил дело, а потом перепродал его „Hudson Bay Company“ и перенес свое внимание на Камчатку, направив туда множество агентов.

Мистер Флюгер прожил пока на Камчатке только 2 года, занимаясь самыми разными вещами. Бордмановские агенты ограничиваются только торговлей мехами, но Флюгеру этого показалось мало. Он не только покупает меха, но и солил лососей на продажу, каждый год посылает свою шхуну в Арктику для добычи моржовых клыков и бивней мамонта, продает разные товары, держит упряжку собак, специально обученных для того, чтобы возить петропавловских дам... На его складе я увидел целую поленницу, сложенную из моржовых клыков, связанных веревкой, они свалены в кучу у заднего входа, совсем как дрова» (там же, с. 55).

Петропавловский купец и надворный советник Александр Филиппеус поразил Нокса тем, что «на месте никогда не сидит. В Петропавловске он держит агента, но ежегодно посещает Камчатку сам. В феврале он отправился из Петербурга в Лондон, оттуда через Красное море направился в Японию. Там он зафрахтовал бриг, чтобы добраться на Камчатку, потом высадился в Аяне на Охотском побережье, оттуда направился в Якутск, а из Якутска через Иркутск – в Санкт-Петербург, где и очутился спустя ровно триста пятьдесят дней после своего отъезда в феврале. Я встретил его в русской столице, когда он совершил уже шестое подобное путешествие и готовился отправиться в седьмое. Если бы этот человек был евреем, то его с полным правом можно было назвать не иначе как Вечным жидом» (1, с. 55–56).

Конечно, журналисту никак нельзя было не написать о камчатских лососях, медведях и собаках.

«Лососи, идущие на нерест, обеспечивают людей пищей, а животных легкой добычей. Местные жители ловят лососей сетями и бьют острогами, в то время как медведи, собаки и волки используют для рыбной ловли свои зубы и когти. Особенно искусны в этом медведи, при обилии еды они становятся настоящими гурманами, поедая только „головки“ или „спинки“. В реках изобилие рыбы, и чтобы ее поймать, не требуется большого искусства. Один достойный всякого доверия человек сообщил мне, что видел на Камчатке реку, настолько полную лососями, что можно было перейти по ним, как по мосту из бревен, с одного берега на другой. История эта напоминает рыбацкую байку, но здесь, на Камчатке, вполне может оказаться правдой» (там же, с. 52–53).

«Медведи водятся здесь в изобилии, но их шкуры не вывозятся за пределы Камчатки, хотя эти бурые и черные шкуры достигают невероятных размеров. Охота на медведя – веселое развлечение для камчатского охотника – правда, до тех пор, пока убегающий медведь не развернется к охотнику мордой, и ваши роли быстро поменяются: медведь превратится в охотника, а вам придется изображать жертву, и охота станет уже веселым развлечением для медведя. Один камчатский житель подарил мне медвежью шкуру более шести футов длиной и сообщил, что в его подарке нет ничего особо выдающегося, и что на Камчатке встречаются медведи и побольше. Я порадовался тому, что мне довелось встретиться только со снятой шкурой, а не с одетым в нее медведем» (там же, с. 57).

«Камчатка без собак – это как „Гамлет“ без принца Гамлета» (там же, с. 58). Уже побывавшие на Камчатке участники экспедиции пугали Нокса душераздирающими картинами непрерывного собачьего воя и лая, однако «когда мы прибыли в Петропавловск, то были разочарованы тем, что там не оказалось и сотни собак, потому что летом все собачье население Петропавловска (числом не меньше пятнадцати сотен) держат вдали от города» (там же, с. 59).

В своей книге Нокс представляет читателю достаточно подробную историю Камчатки и Русской Америки: путешествия Беринга, история Российско-Американской компании, преимущества и недостатки покупки Аляски. Не обошел он вниманием и события обороны Петропавловска, сопроводив историю иллюстрацией.

6 августа 1866 г. отряд полковника Бакли на корвете «Варяг» отправился в Гижигу.

Нокс дает полное описание гижигинского маяка, который в 1901 г. поразил своей бесполезностью и заброшенностью А. Сильницкого: «На горе, замыкающей у речки Гижиги морской залив, стала различаться какая-то серая масса. Это Гижигинский маяк. На нём никогда никто не живёт, никаких сигналов с него никогда не подавали, но он стоит на горе уже третий десяток лет, стоит и разрушается сам собою. Маяк этот никому здесь не нужен, и его никто не ремонтирует» (2, с. 180).

Оказывается, маяк будет постарше, но и в 1866 г. его описание не радует: «Маяк – большое восьмиугольное строение на мысу, десяти футов в диаметре и десяти футов в высоту, он сложен из бревен, крыша плоская, а наверх можно забраться по наклонному бревну с зарубками. Поднявшись наверх, мы увидели грязную лужу вместо горящего на крыше сигнального огня. Внутри маяка ведет низкая дверца, пол – настил из двух бревен, посреди – большая лужа. Смотритель обитает неподалеку, и подразумевается, что он ежедневно посещает маяк и зажигает сигнальный огонь. Рядом с маяком стоит пушка, возрастом древнее Полтавской баталии» (там же, с. 83).

В Гижиге наш герой прокатился по реке в лодке, запряженной собаками, и купил себе кухлянку.

Американские моряки, прибывшие в Гижигу, для развлечения пытались устроить гонки на оленях – умные животные пробегали не больше 20 ярдов, после чего их нельзя было сдвинуть с места.

То, что Нокс профессиональный журналист, одновременно делает его книгу необычайно интересной и забавной, но при этом и накладывает своеобразный отпечаток – страсть к байкам и «куткам», а недостаточное знание языка всерьез превращает московский Китай-город в «Чай-натаун Москвы»!

Верить ли истории про медведя и корову, решайте сами: «Рассказывают, что два года назад в Петропавловск в ужасе ворвалась корова, на спине у которой сидел вцепившийся живой медведь. Медведь сумел удрать целым и невредимым, оставив корову изрядно подранной. После этого случая она паслась только в городе или неподалеку и больше не приносила на себе домой медведей» (2, с. 57–58).

Из Петербурга через Варшаву Нокс отправился в Нью-Йорк, где и завершил свое первое кругосветное путешествие (именно из Нью-Йорка 21 марта 1866 г. он начал свою поездку по России).

После успешной публикации «Пересекая Азию» Нокс понял, что нашел настоящую золотую жилу – книги о путешествиях! И в 1877 г. журналист отправляется в новый вояж вокруг света.

За 25 лет Томас Нокс исколесил все континенты и написал 46 книг для взрослых и детей.

Кстати, в России наш герой побывал трижды. За азиатско-европейским марафоном последовало путешествие в Крым, третьим стало путешествие в Финляндию.

Особой любовью читателей пользовалась увлекательная и прекрасно иллюстрированная серия книг про мальчиков-путешественников (всего было написано 20 книг).

За книгу «Мальчики-путешественники в Сиаме и на Яве» («The Boy Travellers in the Far East, Part Second: Adventures of Two Youths in a Journey to Siam and Java», 1880) король Сиам награждает Нокса орденом Белого слона, заявив, что написана лучшая книга о его стране.

В двух книгах этой серии мы снова встречаемся с Камчаткой: «Путешествие парусно-парового барка „Вивиян“ к Северному полюсу и обратно» («The voyage of the „Vivian“ to the North pole and beyond», 1884) и «Мальчики-путешественники в Российской империи» («The Boy Travellers in the Russian Empire. Adventures of Two Youths in a Journey in European and Asiatic Russia, with Accounts of a Tour across Siberia, Voyages on the Amoor, Volga, and other Rivers, a Visit to Central Asia, Travels among the Exiles, and a Historical Sketch of the Empire from Its Foundation to the Present Time», 1886).

Камчатке в этих книгах отведены не просто пара абзацев, а целые главы. Имеются и интересные иллюстрации.

Помимо книг о путешествиях, Нокс написал несколько популярных исторических книг для детей и несколько книг о животных: «Истории и сведения о собаках» («Dog Stories And Dog Lore»), «Истории о лошадях и других животных» («Horse Stories And Stories Of Other Animals. Experience of Two Boys in Managing Horses, With Many Anecdotes of Quadrupedal Intelligence»). В последней книге имеется даже глава о кошках с чудесными иллюстрациями.

Великий американский путешественник Томас Нокс прожил жизнь холостяком, не имея собственного дома. Его пристанищем на время коротких возвращений на родину стал знаменитый манхэттэнский клуб «Лотос», где он и скончался 6 января 1896 г. на 61-м году жизни, вернувшись из своей последней экспедиции в Сахару.

1. *Thomas W. Knox*. «Overland Through Asia: Pictures of Siberian, Chinese, and Tatar Life. Travels and Adventures in Kamchatka, Siberia, China, Mongolia, Chinese Tartary, and European Russia, with Full Accounts of the Siberian Exiles, Their Treatment, Condition, and Mode of Life; a Description of the Amoor River, and the Siberian Shores of the Frozen Ocean», 1870. 608 с. [Электронный ресурс] URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=du11.ark:/13960/t6vx2mj6s;view=1up;seq=41>

2. *Сильницкий А. П.* Поездка в северные округа Приморской области // Вопросы истории Камчатки. 2011. Вып. 5. 575 с.

К. Дитмар ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛЕКСИКОН КАМЧАТКИ (перевод с немецкого Л. В. Садовниковой)

Географический лексикон Карла фон Дитмара, или словарь, описывающий в алфавитном порядке реки, озера, моря, горы, вулканы, остроги, населенные пункты Камчатки середины XIX в., содержится во втором томе сочинения Дитмара «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 годах» в качестве приложения 1, вышедшем в 1900 г. и в 2011 г. изданном Фондом культуры народов Сибири. В лексиконе автору удалось систематизировать более 500 названий.

В силу лингвистических особенностей немецкого языка в переводе сохранен немецкий алфавит.